
УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ И РЕАЛИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ

Т.Л. Барандова

Теоретическая рамка анализа опирается на обзор подходов к (пере)осмыслению феномена наказания как властно-политической практики, сформированной в согласии с ценностями государства, а также на анализ международных документов, на основе которых реализуется защита прав в пенитенциарной системе. Анализируется ситуация соблюдения прав человека в пенитенциарных учреждениях России на основе изучения материалов деятельности и докладов региональных уполномоченных по правам человека (УПЧ) за период с 2001 по 2011 год. Материалы рассматриваются не только как отражение социальной реальности в пенитенциарной системе России, но и как фундамент политического управления. Институциональные позиции УПЧ в работе со структурами исполнения наказания, возможности мониторинга обращений из системы ФСИН и восстановительной деятельности по жалобам положены в основу анализа, который базируется на выделении с одной стороны, видов основных нарушений прав заключенных и механизмов работы по восстановлению в нарушенных правах, с другой.

Ключевые слова: государственная власть, система исполнения наказаний, пенитенциарные техники, биополитика, нарушения и защита прав заключенных, институт уполномоченных по правам человека

(Пере)осмысление наказания в контексте современности: лишение свободы или свобода от лишений?

В середине XX века научная рефлексия повлекла за собой реформирование пенитенциарных систем в большинстве европейских обществ. Реформы стали следствием переосмысления как состояния самих институтов ре-

ализации правосудия, так и практик осуществления наказания в тоталитарно-репрессивных политических режимах. Однако в ситуации политически осознанного лишения всех личных прав и свобод оказываются не только узники нацизма или сталинизма. В современных демократиях присутствуют практики прямой биополитической власти, при которой право включает в себя человеческую жизнь. Изучая проблему взаимовлияния государственного права и человеческой жизни, Дж. Агамбен вводит понятие «исключительного/чрезвычайного положения». Он отмечает, что на фоне развития явления, названного им «гражданской войной в мировом масштабе», такое положение стремится стать доминирующей управленческой парадигмой [Агамбен, 2011а. С. 9]. Примером биополитической власти являются талибы в Гуантанаме, находящиеся в заточении, но не в статусе военнопленных, заключенных или подсудимых. По законам США они определяются как «задержанные» (detainees) на неопределенный срок, что выводит их из-под действия закона и правового контроля. Агамбен сравнивает их положение с положением евреев в нацистских лагерях [Агамбен, 2011а. С. 11–12]. Он показывает, что в определенных обстоятельствах происходит потеря границы между правом и жизнью, они оба исчезают в недрах «чрезвычайного положения», которое превращает человеческую жизнь лишь в биологическую компоненту, становящуюся объектом управления власти «экспертов» с целью исполнения права [Агамбен, 2011а; 2011б].

Теоретиком переосмысления наказания, обратившим внимание на исторически складывавшиеся механизмы «дисциплинирования», следует считать М. Фуко, исследовавшего формы власти на пределах проявления, касающихся воздействия на тела индивидов (биополитики). Его подход отличается глубоким осмыслением взаимосвязей между властью и знанием, воплощением их в правовых институтах (в частности, «экспертов», заменивших палача), в том числе позволяет сформулировать гипотезы и о причинах возникновения ГУЛАГа [Фуко, 2002. С. 312–314].

Закон уголовного права в форме запрета совместно с наказанием за нарушение помещает человека в рамки двойственности. С одной стороны, здесь функционирует система действий по надзору и контролю, а с другой – сфера наказания, представленная практикой заточения, где индивид подвергается воздействию серии процедур по трансформации, то есть «пенитенциарным техникам». Индивид или правозащитный институт могут вести борьбу за права, но важно обратить внимание на активность значимых элементов системы, преграды и препятствия [Фуко, 2011. С. 14]. Фуко заявляет:

Форма, предполагающая утверждение закона и фиксацию наказания для тех, кто его нарушает, – это система кода законности с бинарным разбиением на дозволенное и запрещенное... это дисциплинарный механизм, характеризующийся тем, что внутри бинарной системы кода обнаруживается третий персонаж, а именно виновный... [Фуко, 2011. С. 17–19].

Вне кода находится ряд техник, обеспечивающих процедуры «возможной обработки индивида», которые создают предпосылки к новоевропейской системе законности, оформляющейся с появлением новых видов карательных мер и развитием калькуляции издержек наказания [Фуко, 2011 С. 20]. Это подразумевает экономические расчеты соизмеримости выгод и издержек от содержания лица, совершившего преступление, в учреждениях пенитенциарной системы, включая все затраты государства на обеспечение жизнедеятельности заключенного, оплату штата сотрудников и иные ресурсы, потраченные на осуществление наказания в виде лишения свободы. Новые виды наказания, ориентированные на исправление правонарушителя без изоляции, обходятся обществу дешевле. По Фуко, техника исправления освобождает судей от «карательного ремесла», однако тюремное заключение рассматривается в качестве «политической технологии тела», где тело служит орудием наказания с целью «воздействия на душу» путем ограничения в правах. Таким образом, воздействуют заключением или принудительным трудом для того, чтобы лишить свободы, которая считается правом и собственностью человека. На достижение этой цели направлена система исполнения наказаний, а само наказание является политической стратегией власти.

Обе – исправительная и дисциплинарная – техники практик наказания обнаруживают в себе нечто подобное механизму безопасности. Они усложняются, изменяется структура корреляции между механизмами правовой законности, механизмами дисциплинарными и механизмами безопасности [Фуко, 2011. С. 22]. На индивидуальном уровне в XIX веке появились предпосылки личных прав человека. Фуко обозначил этот аспект: «наказывая худшего из убийц, нужно видеть и уважать в нем хотя бы одно – “человека” <...> человек противопоставляется варварской жестокости публичных казней <...> как законный предел: законная граница власти карать» [Фуко, 1999. С. 106]. Как человек может быть противопоставлен традиционной практике наказаний? В качестве возможного ответа видится обращение к государственному институту омбудсмена как механизму внесудебной защиты прав человека, подвергнувшегося злоупотреблениям в использовании пенитенциарных техник.

На массовом уровне злоупотребление государством дисциплинарными техниками привело к ответной реакции в европейских странах – общественному возмущению и беспокойству. В результате были выработаны технологии безопасности внутри сферы осуществления власти, среди которых и механизмы, действующие в пространстве социального контроля и наказания [Фуко, 2011. С. 25–26]. Мы рассматриваем институт омбудсменов (российский аналог – уполномоченных по правам человека) в качестве одного из институционализированных механизмов «технологий безопасности», в том числе для граждан, находящихся в пенитенциарных учреждениях. Учитывая государственный интерес, базирующийся на экономическом и внешне/внутриполитическом равновесии, институт омбудсменов

призван решать вопрос модификации государственного управления, при котором основополагающей целью становится внедрение внутренних механизмов безопасности. Отсюда проистекает предписание соблюдения свободы не только как права индивидов, противостоящих злоупотреблениям правителя или правительства, но и как необходимого элемента политического управления [Фуко, 2011. С. 445–446].

Вопросы эффективности политического управления в пенологических дискуссиях рассмотрены Н. Кристи в моральном и экономическом контекстах полномочий власти наказывать. Идеологически и экономически борьба с преступностью становится для власти важным компонентом в условиях внеполитической экономики и отсутствия налоговых средств на социальные реформы. «В обществе, где прочно установился монолит и где даже иностранные и военные политики не представляют никакого интереса вследствие окончания холодной войны, в этой системе преступление выходит на тот план, который раньше занимала политика», – отмечает Кристи [Кристи, 1998]. Вводя концепт «опасное государство», он подчеркивает, что таковое «озабочено преступностью вообще», заключение под стражу практикуется по малозначительным поводам, что увеличивает объем государственного вмешательства, представляя опасность для граждан [Кристи, 2001б]. Широкие пласты общественных отношений вскрываются через изучение системы исполнения наказаний, в том числе и в российских реалиях [Кристи, 2001а. С. 74–84; Christie, 1993].

Рассматривая тюрьму как «продукт» в торговле «правом исполнять наказание» и «правом осуществлять надзор», Кристи подходит к вопросу об «уместном количестве страданий» для человека в заключении [Кристи, 2001а. С. 139–143]. Развивая тезис «закон создает преступления», он отмечает, что для защиты от «опасного государства» необходимо пытаться вскрыть основания уголовно-правового запрета, выявить и осознать социальные структуры и процессы, предопределяющие возникновение правовых категорий и институтов, и конструктивно на них воздействовать [Кристи, 1984]. Мы полагаем, что институт омбудсменов является инструментом, имеющим потенциал воздействия, но этот потенциал зависит от ценностных ориентиров государственной идеологии.

Наказание рассматривается Э. Даффом и Д. Гарландом как практика, продиктованная ценностями государства, что позволяет официальным лицам оправдывать институт наказания и свои деяния внутри него, ссылаясь на легитимирующие цели [Дафф, Гарланд, 2003]. Политические теории по-разному рассматривают полномочия государства и предусматривают различные типы взаимоотношений между органами власти и гражданами. Современные философы зафиксировали различия в коммунитаристских и либеральных подходах [Kumlika, 1988; Kumlika, 1990; Кимлика, 2010]. Первые не разграничивают интересы граждан и государства, акцентируя внимание на ценности сообществ, чем придают государству вес в обеспечении защиты

общественных ценностей [Liberalism and its Critics... 1984; Taylor, 1985; Макинтайр, 2000]. Они готовы защищать интервенционистскую и патерналистскую форму пенитенциарной системы и пропагандировать кодекс таких целей, как социальная реабилитация, моральное перевоспитание и реинтеграция преступников [Дафф, Гарланд, 2003]. В либеральных теориях [Barry, 1989; Dworkin, 1978; Rawls, 1993; Ролз, 1995] подчеркивается интерес к состоянию индивидуальных прав и свобод, обеспечению граждан надежной правовой базой, внутри которой те могли бы самостоятельно строить жизнь и собственный выбор блага. Либеральные, а позднее и либертарианские [Posner, 1983; Epstein, 1985; Нозик, 2008] принципы «самособственности» позволяют государству наказывать своих граждан, но одновременно налагая ограничения на властные полномочия (не более сурово, чем необходимо для обеспечения целей наказания). Они предполагают, что государственные институты уголовного судопроизводства не должны бесцеремонно вторгаться в личную жизнь и посягать на личную свободу [Дафф, Гарланд, 2003].

Резюмируем, что вопрос изучения практик соблюдения прав человека в пенитенциарной системе ставится остро в современных политологических дебатах. Его можно рассматривать и как индикатор уровня репрессивности государственной политики, и как элемент прикладного анализа социального благополучия и безопасности уязвимых групп (в том числе находящихся в местах заключения) и общества (не только родных, а то окружение, в которое попадает человек после отбывания наказания в виде лишения свободы). Возможный ответ со стороны института омбудсменов должен подкрепляться пониманием идеологических ценностей государства, знанием международных нормативных рамок и способов защиты прав для данной категории лиц.

Права человека как базовый элемент ценностного консенсуса о нормативных рамках пенитенциарной системы

Нормативное закрепление политических дебатов о допустимых границах наказания граждан со стороны государства в международном масштабе произошло во второй половине XX века в рамках становления системы защиты прав человека. Международные документы представляют инструмент воздействия на государства для решения проблем уголовно-исполнительной политики. Разработаны *инструментальные механизмы*: Стандарты ООН и Совета Европы; Всеобщая декларация прав человека; Международный пакт о гражданских и политических правах; Минимальные стандартные правила обращения с заключенными; Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка; Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания; Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению; Европейские пенитенциарные правила; Реко-

мендации Комитета министров государств – членов Совета Европы о содержании под стражей в ожидании судебного разбирательства и другие. Действуют и *институциональные механизмы*: Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями; Комиссия ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию; Европейский комитет по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (ЕКПП)¹, омбудсмены и международные/национальные общественные правозащитные организации.

Основополагающий документ – Минимальные стандартные правила обращения с заключенными, дополненные резолюциями Экономического и Социального Совета ООН, – предусматривают следующее:

- 1) каждый заключенный должен быть обеспечен одеждой, которая не должна быть позорящей или унижающей достоинство; 2) для всех заключенных должны быть созданы условия для продолжения образования, религиозного отправления, культурной деятельности; 3) режим, принятый в пенитенциарном заведении, должен сводить до минимума разницу между жизнью в тюрьме и на свободе, а перед завершением срока наказания необходимо принимать меры к возвращению к жизни в обществе; 4) в обращении с заключенными необходимо подчеркивать не их изоляцию от общества, а то, что они продолжают оставаться его членами; 5) органы тюремного управления должны заботиться о тщательном подборе персонала [Международные... 2010. С. 50–66].

Дополнительно разработаны минимальные стандартные правила, касающиеся несовершеннолетних (Пекинские правила). Для функционирования механизма принят Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, согласно которому они обязаны защищать каждого человека от противоправных действий, заботиться об охране здоровья задержанных лиц, принимать меры по медицинскому обслуживанию тех, кто в этом нуждается. Вкладом в защиту прав заключенных стало принятие Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме (базируется на ст. 9 Всеобщей декларации прав человека), где главным является обеспечение лицу, задержанному по уголовному обвинению, режима по статусу неосужденного лица. В частности, запрещается введение ограничений в отношении лица, для которого нет необходимости задержания. В случае задержания власти должны принять меры для обеспечения помощи членам семьи задержанных и уделить внимание опеке над детьми, оставшимися без присмотра. Особо отмечается, что задержанные не должны подвергаться во время допроса насилию, угрозам или методам дознания, которые нарушают способность принимать решения или выносить суждения. На предотвращение

¹ Тексты см.: Европейский комитет по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания // <http://www.cpt.coe.int/russian.htm>

пыткок направлены и Принципы медицинской этики о роли медицинских работников в защите заключенных или задержанных лиц от пыток и других унижающих человеческое достоинство видов обращения и наказания.

Минимальные стандартные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила), являются развитием дискуссии в сторону гуманизации наказаний. Несмотря на то, что в международном праве нет юридически обязательного документа, регламентирующего деятельность пенитенциарных учреждений и закрепляющего статус заключенных, защита прав человека в мировой пенитенциарной системе стала предметом рассмотрения международного гуманитарного права. Институт омбудсменов тоже принимает участие в работе по гуманизации мировой пенитенциарной системы с целью защиты прав заключенных [Rights... 2009]. На субрегиональном и национальном уровнях ведется работа по развитию нормативной платформы с учетом рекомендаций и анализа практики деятельности омбудсменов. Национальные уполномоченные по правам человека ориентируются на перечисленные международные механизмы, поскольку большая их часть ратифицирована Россией.

Институт омбудсмена в реалиях российской пенитенциарной системы

Российская политическая риторика на протяжении 2000-х медленно менялась в сторону «исправительной гуманизации», достигнув апогея в 2009 году, когда в Послании Федеральному собранию президент Дмитрий Медведев заявил о том, что пенитенциарную систему необходимо реформировать, чтобы назначенное наказание было адекватно совершенному правонарушению. Однако анализ российской пенитенциарной практики затруднен «закрытостью» системы, ее патерналистским характером и отсутствием адекватных статистических данных.

Материалы ежегодных и специальных докладов УПЧ лишь частично помогают понять реальную ситуацию. Институт (существующий в 69 регионах и на федеральном уровне) осуществляет функцию контроля и восстановления в нарушенных правах в соответствии с действующим законодательством и практикой. Деятельность института не заменяет функции других государственных органов¹, но способствует совершенствованию их работы, указывает на недостатки и проблемы, содействует реализации прав граждан перед лицом бюрократических структур.

Правовую основу деятельности УПЧ по взаимодействию с Управлением Федеральной службы исполнения наказания России (УФСИН) составляют Конституция, Уголовно-исполнительный кодекс, Федеральный

¹ Подробную информацию об институте можно найти на сайтах: <http://ombu.ru> или <http://ombudsmanrf.org>

конституционный закон РФ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации», нормативные акты Министерства юстиции, Федеральной службы исполнения наказания России, Закон региона «Об Уполномоченном по правам человека» и (при наличии) Договор/Соглашение о взаимодействии ГУФСИН региона и УПЧ в решении задач по соблюдению и защите прав и свобод человека в учреждениях уголовно-исполнительной системы (УИС).

Методом анализа структуры ежегодных докладов и качественного анализа содержания специальных докладов, посвященных жалобам на нарушения в системе исполнения наказания и предварительного расследования, нами проанализированы доклады за 2000–2011 годы в 39 регионах. Учитывалась статистика и направленность обращений из пенитенциарной системы в докладах федерального УПЧ за период анонсированного президентом Д. Медведевым реформирования системы исполнения наказаний 2009–2011 годов.

Структурный анализ докладов региональных УПЧ показал, что в среднем до 30% жалоб, поступающих в течение года, они получают из мест принудительного содержания. В ежегодный доклад практически все включают раздел, посвященный работе с обращениями лиц, ограниченных в дееспособности в связи с совершенным преступлением, что свидетельствует о перманентно стоящем вопросе нарушения прав заключенных в России, а также косвенно указывает на осведомленность лиц, находящихся внутри системы исполнения наказания, об институте УПЧ и о своих правах.

Острее проблемы в регионах, где территориально располагаются скопления учреждений ФСИН (например, Республиках Мордовия, Коми, Карелия, Пермском крае). Активность работы отмечалась с 2003 по 2008 год, в этот период был подготовлен 21 специальный доклад в 16 регионах¹. Тематический спектр простирается от вопросов обеспечения конституционных гарантий и соблюдении прав человека в специальных учреждениях Главного управления внутренних дел (Краснодарский край, 2008) до проблематики массовых нарушений прав подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений в изоляторах временного содержания (Кемеровская область, 2004, Смоленская область, 2003, Калининградская и Калужская области с 2002 года). Ряд специальных докладов посвящен темам социальных вопросов: «О нарушении прав граждан, осуществляющих уход за инвалидами I группы, отбывающими наказания в местах лишения свободы» (Пермский край, 2003); «О нарушении прав и свобод лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, на обжалование в судебные органы действий (бездействия) администраций мест лишения свободы» (Пермский край, 2003).

Проблемы гуманизации исполнения наказания и защиты прав «уязвимых» групп (женщины, несовершеннолетние, инвалиды) осужденных

¹ Анализировались только доклады, доступные на интернет-сайтах РУПЧ.

УПЧ озвучивали с начала деятельности института. Гендерная статистика обращений по конкретным вопросам нарушений прав не ведется, но по публикациям можно определить направления работы, в частности, с женщинами [Евдокимов, 2001. С. 28–39]. В 2000 году федеральным УПЧ был подготовлен специальный доклад «О нарушениях прав граждан сотрудниками МВД РФ и уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции РФ», рекомендации которого получили поддержку Всероссийского совещания-семинара руководителей воспитательных органов аппаратов внутренних дел МВД. Однако рассмотрение жалоб за последующий год свидетельствовало об отсутствии реальных гарантий и изменений ситуации с соблюдением прав в пенитенциарной системе [Там же. С. 30]. В результате УПЧ активизировали совместную с общественными организациями работу в направлении развития механизмов гражданского контроля, но для эффективности необходимо развивать систему мониторинга нарушений (по закону институт реагирует на поступившие жалобы, преимущественно письменные).

Экспертный совет при федеральном УПЧ в 2007 году инициировал обсуждение вопросов мониторинга прав человека и роли государственных правозащитных организаций в развитии восстановительного правосудия. Мониторинг соблюдения прав человека, особенно в статистическом преломлении, – необходимый инструмент. Эксперты аппаратов региональных УПЧ, общественных и исследовательских организаций признали необходимость расширять источники информации, включая в них СМИ и материалы правозащитных организаций [Мониторинг... 2008].

Неоднократно вставал вопрос об обмене опытом по установлению договорных рамок при взаимодействии с руководством и составом органов региональных МВД и ФСИН, формально не входящими в сферу компетенции для мониторинга со стороны региональных УПЧ. В 2007 году Санкт-Петербургским гуманитарно-политологическим центром «Стратегия», неформальным ресурсным центром для сотрудников аппаратов региональных УПЧ, при поддержке фонда Джона и Кэтрин МакАртур, был организован семинар повышения квалификации по теме восстановления в правах лиц, находящихся в пенитенциарной системе. В 2008 году на конференции при поддержке офиса омбудсмена Совета Европы дискуссия вышла на международный уровень. Коллективом экспертов был осуществлен анализ деятельности УПЧ на основе материалов докладов, результаты которого показали, что работа с обращениями из пенитенциарной системы ежегодно занимает до трети от общего числа времени УПЧ [Сунгуров, 2011. С. 124–170; Барандова, 2011. С. 89–124].

Анализ докладов позволяет выделить виды основных нарушений прав лиц, находящихся в пенитенциарной системе (см. табл.). Наибольшее количество (до половины от всех обращений) содержит просьбы о пересмотре приговоров суда. Обжалуются и незаконные, по мнению

заявителей, действия органов предварительного следствия и дознания. Оба типа обращений не входят в компетенцию УПЧ, но свидетельствуют о том, что наказание является в России стратегией власти, направленной на широкое использование «политической технологии тела».

До 10% обращений содержат просьбу разъяснить положения законодательства, порядок направления жалоб в Европейский суд по правам человека и другие правозащитные организации. Эта часть работы аппаратов может быть отнесена к сфере правового просвещения и консультирования со стороны УПЧ, но свидетельствует и о том, что международные институциональные механизмы являются значимым элементом в тактиках выстраивания защиты своих прав заключенными.

Содержательно в структуре обращений из пенитенциарных учреждений до 10–15% занимают жалобы на неудовлетворительное медицинское обеспечение, еще до 10% – на неудовлетворительную работу по паспортизации осужденных, и до 5% – на (без)действия администраций учреждений УИС. К (без)действию относят: отказ в представлении к условно-досрочному освобождению; отказ в этапировании в судебное заседание по гражданскому делу; отказ свидания с родственниками; отказ в переводе в другое учреждение; нарушение администрацией права на достоинство личности и личную неприкосновенность. Как правило, все жалобы на (без)действия администрации учреждений для проверки направляются в прокуратуру (отмечается, что не все факты подтверждаются). В зависимости от региона до 6% жалоб касаются бытовых условий содержания.

Изучение обращений, касающихся вопросов оказания медицинской помощи, показывает, что осужденные жалуются на отсутствие лекарственного обеспечения или отказ медицинских работников назначить больному лечение, которое необходимо по состоянию здоровья. Проблемой является недоукомплектованность медицинским персоналом, что негативно сказывается на качестве оказания медицинской помощи лицам, находящимся под стражей и отбывающим наказание. Часты жалобы на отказ сотрудников учреждений принять в передаче или посылке лекарственные препараты, не назначенные врачом. УПЧ такие случаи расцениваются как недостаточное обеспечение необходимыми лекарственными средствами и некачественная медицинская помощь, но отметим, что в подобных вопросах усматривается и агамбеновское взаимовлияние государственного права и человеческой жизни, и сверхприменение фукианской биополитической власти.

Необходимо отметить, что на протяжении всего десятилетия неблагоприятно складывается ситуация с соблюдением прав (в частности, на получение медицинской помощи) и самих сотрудников уголовно-исполнительной системы, что неоднократно отмечается в докладах УПЧ, но данная проблематика выходит за рамки статьи.

Обращения, касающиеся переоформления паспортов бывшего СССР на паспорта Российской Федерации или оформление паспортов взамен

утраченных, демонстрируют, как нарушения приводят к лишениям осужденных-инвалидов, которые из-за отсутствия в личных делах паспортов утрачивают возможность получения пенсии по инвалидности или возрасту, являющейся их единственным источником дохода. Наряду с вопросами пенсионного обеспечения, осужденными остро ощущаются проблемы, возникающие из-за волокиты при осуществлении иных выплат социального характера в исправительных учреждениях.

Еще одной из проблем несоблюдения прав обвиняемых и осужденных на достойные условия содержания является сокращение размера жилой площади, приходящейся на одного человека. Причина этого – частое избрание судами меры пресечения в виде содержания под стражей в отношении лиц, обвиняемых в совершении преступлений небольшой и средней тяжести. Как правило, это молодые люди, привлекающиеся к уголовной ответственности впервые. Здесь выявляется сущность модели российского государства как «опасного государства».

Указанные нарушения постоянно отмечаются в докладах «О проблемах в реализации конституционных прав и свобод граждан» и специальных докладах «О нарушении прав граждан в системе уголовной юстиции» (например, отражены в Калининградской, Калужской, Самарской, Саратовской областях ежегодно с 2004 года).

Результаты анализа докладов федерального уровня показывают, что после анонса пенитенциарной реформы с 2009 года не уменьшилось, а увеличилось количество жалоб, связанных с условиями отбывания наказаний [Доклад... 2009]. В 2010 году тематика жалоб не изменилась и 64,9% из жалоб, поданных в связи с нарушениями личных (гражданских) прав, касались нарушений права на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство. Количество жалоб на нарушение права на достоинство выросло по сравнению с 2009 годом, их доля составила 19,9% жалоб на нарушения, сопряженные с неудовлетворительными условиями содержания [Доклад... 2010]. В докладе за 2011 год отмечается, что 57,7% от общего количества жалоб посвящено нарушению личных (гражданских) прав и свобод. В данной группе снова подавляющее большинство – 59,1% – составляют жалобы, связанные с нарушениями права на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство. Подчеркнем, что согласно материалам доклада, *«каждая пятая жалоба* (выделено нами. – Т. Б.) *на нарушение личных прав касается условий содержания в следственных изоляторах и исправительных учреждениях»* [Доклад... 2011].

Возможности по восстановлению прав заключенных у института УПЧ базируются преимущественно на личностных ресурсах, которые задействованы для усиления публичности и черпаются из высокой степени известности и легитимности в регионе (благодаря предшествующей институциональной биографии). Административными полномочиями формально и/или персонально обладает не каждый региональный УПЧ,

потому они опираются на опыт, социальные сети, общественное мнение, отношение к институту в массмедиа и личный/деловой авторитет. Начиная с середины 2000-х между институтом УПЧ и ФСИН в регионах создается деловое взаимодействие в вопросах правового просвещения граждан, вовлеченных в сферу уголовно-исполнительных отношений, к которым относятся не только обвиняемые, содержащиеся под стражей, осужденные, отбывающие наказание, но и гражданский персонал учреждений системы.

УПЧ и ФСИН используют разные методы взаимодействия: проведение обучающих семинаров, учебно-методических сборов для руководителей и сотрудников учреждений, научно-практических конференций, заседаний круглых столов, совместное участие в работе комиссии по правам человека, участие в заседаниях коллегий и оперативных совещаний ФСИН, где рассматриваются вопросы совершенствования работы по соблюдению и защите прав человека, выступление в средствах массовой информации и другие. В Свердловской области практикуются публичные совещания на базе УПЧ с приглашением прессы и руководства ФСИН и МВД. Важным инструментом является наличие у УПЧ доступа в пениitenciарные учреждения для осуществления проверок и проведения личных встреч с содержащимися в них лицами, что можно расценивать как действующий «внутренний механизм безопасности». Однако реальных правовых рычагов воздействия у института нет.

Из-за несовершенства правовых механизмов УПЧ приходится работать не по нормативным актам, а по личным договоренностям, неформальным правилам, и при смене руководителей надо налаживать отношения практически сначала. Это свидетельствует о том, что институту УПЧ реализовать в полной мере стратегии по предотвращению нарушений прав лиц, попадающих в поле пениitenciарных технологий, практически не представляется возможным. Практикой УПЧ становится применение тактического инструментария и работа по «точечному» восстановлению прав конкретных заключенных, от лица которых поступают обращения [Марголина, 2010. С. 81–93].

Вывод: концептуальные модели в российских реалиях пениitenciарной системы

Философские политические дискуссии современности подвергли сомнению тотальность права государства с помощью наказания добиваться морального порицания правонарушителя. Интеллектуалы обличили государственную власть в засилье применения дисциплинарных и пениitenciарных техник вплоть до того, что разработали концепт «опасного государства», угрожающего безопасности своих граждан под предлогом необходимости борьбы с преступностью. В отношениях

государства с населением наметились фундаментальные изменения, при которых интеграция свобод и свойственных им границ внутри управленческой практики становятся императивом. Предписания надлежащего управления предполагают ограничение жесткого вмешательства государства в сферу личных свобод и прав граждан. Государственное управление должно строиться на принципах стимулирования или манипулирования так, чтобы распалась «сверхрегламентирующая полиция» [Фуко, 2011. С. 445].

На европейском пространстве политические элиты восприняли сигнал. С развитием системы защиты прав человека право на достоинство для людей, несущих наказание, включено в механизмы обеспечения прав человека для всех категорий ограниченных в дееспособности в связи с совершенным преступлением. К ним отнесены: заключенные, задержанные, обвиняемые, подсудимые, осужденные, то есть все лица находящиеся в сфере уголовной юстиции и пенитенциарной системы. По этому вопросу на мировом уровне достигнут консенсус, выразившийся в создании комплекса механизмов защиты прав и их институциональному сопровождению. Основным из государственных институтов в данной сфере является омбудсмен, или уполномоченный по правам человека, который рассмотрен в качестве одной из «технологий безопасности», в том числе для граждан, находящихся в российской системе исполнения наказаний. Ежедневные усилия УПЧ по созданию методов оказания помощи на индивидуальном уровне демонстрируют обществу и власти ценности «надлежащего управления» и образцы принципиальной позиции защитника прав человека.

Однако рассмотрение материалов деятельности института УПЧ в региональном измерении позволяет констатировать, что российские реалии отстоят, и даже противостоят концептуальному каркасу модификации отношений в пенитенциарной системе, выработанному западными интеллектуалами. Выявленные в докладах жалобы на нарушающие права и свободы пенитенциарные техники показывают, что российское государство остается в большей степени «карательным», по ряду характеристик соответствует концепту «опасное государство». Для уменьшения степени опасности в таком государстве необходимо навязать ему серьезную дискуссию о границах самого понятия «преступление» и ослабить тенденцию широкого применения лишения свободы [Кристи, 2001б]. Полагаем, что на уровне практической деятельности института регионального УПЧ необходимо продолжать целенаправленную работу по мониторингу и выявлению нарушений в системе исполнения наказаний, чтобы общество имело возможности и данные для ведения таких публичных дискуссий. Воздействие общества на идеологическую сферу государственного управления в пенитенциарной системе поможет и институту УПЧ в полной мере реализовать имеющийся у него потенциал «механизма безопасности».

Таблица

Часто выявляемые нарушения прав в пенитенциарной системе и адресаты взаимодействия РУПЧ по восстановлению в правах

<i>Проблема</i>	<i>Группы и адресаты</i>	<i>Институты, решающие проблему</i>
Паспортизация заключенных и связанные с документальным подтверждением социальные права и гарантии социальной защиты	Осужденные	ГУФСИН, УФСМ, Федеральное законодательство
Трудоустройство: недостаток рабочих мест низкая заработная плата заключенных невозможность погашения исков низкая зарплата сотрудниками	Осужденные и сотрудники системы	ГУФСИН, УФСМ, Федеральное законодательство
Медицинское обслуживание и обеспечение необходимыми лекарствами	Осужденные и сотрудники системы	ФСИН, Минздрав
УДО (по болезни – ВИЧ, гепатит, онкологические заболевания)	Осужденные	Суд, ФСИН, Минздрав
Недостаток специальных учреждений для содержания психически больных	Осужденные	ФСИН, Минздрав
Перелимит в камерах (СИЗО и др.)	Осужденные, задержанные	УФСИН, суд
Перевод в другие регионы	Осужденные	ФСИН РФ
Подготовка осужденных к освобождению	Осужденные	ГУФСИН, органы власти региона и МСУ
Получение копий документов	Осужденные	Суд, УФСИН
Обеспечение специальной юридической литературой	Осужденные	УИС
Обеспечение прав осужденных в период гражданского судопроизводства	Осужденные	Суд, федеральное законодательство
(Без)действия администрации учреждения	Осужденные, задержанные	Прокуратура, руководство ФСИН

Список источников

Агамбен Дж. Номо sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Изд-во «Европа», 2011.

Агамбен Дж. Номо sacer. Чрезвычайное положение. М.: Изд-во «Европа», 2011.

Барандова Т. Становление и деятельность института уполномоченных по правам человека в регионах России: гендерный подход // Институт Уполномоченного по правам человека в России: опыт ветеранов и позиции экспертов. СПб.: Норма, 2011. С. 89–124.

Дафф Э., Гарланд Д. Размышления о наказании // Индекс. Досье на цензуру. 2003. № 18 // <http://index.org.ru/journal/18/18-daffgar.html>

Дворкин Р. О правах всерьез. М.: РОССПЭН, 2005.

Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2009 год // Российская газета. 28.05.2010. № 5194. // <http://www.rg.ru/2010/05/28/doklad-lukin-dok.html>

Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2010 год // Российская газета. 13.05.2011. № 5477 // <http://www.rg.ru/2011/05/13/doklad-lukin-dok.html>

Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2011 год // <http://ombudsmanrf.org/2009-11-05-14-09-33/10537>

Евдокимов И. Проблемы гуманизации исполнения наказаний и защиты прав осужденных женщин в деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Женские исправительные учреждения: время реформ. М., 2001. С. 28–39.

Кимлика У. Современная политическая философия: введение / пер. с англ. С. Моисеева. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. С. 79–218; 270–361.

Кристи Н. Борьба с преступностью как индустрия. Вперед, к ГУЛАГу западного образца / пер. с англ. А. Петрова, В. Пророковой; предисл. Я. Гилинского. М.: РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия», 2001а.

Кристи Н. Пределы наказания. М.: Изд-во «Прогресс», 1984 // <http://lib.rus.ec/b/202436/read>

Кристи Н. Об опасностях сверхкриминализации: доклад // Центр содействия реформе уголовного правосудия. 1998 // <http://www.prison.org/lib/christy4.shtml>

Кристи Н. Опасные государства / пер. с англ. А. Богдановского // Индекс. Досье на цензуру. 2001б. № 13–14 // <http://index.org.ru/journal/13>

Макинтайр А. После добродетели. Исследования теории морали. М.: Академический проект, 2000.

Марголина Т. Практика взаимодействия Уполномоченного по правам человека в Пермском крае и правоохранительных органов по предупреждению и восстановлению прав граждан в местах принудительного содержания // Проблемы соблюдения прав человека в местах принудительного содержания: сб. материалов междунар. конф. 28–29.01.2010, г. Пермь / сост. Т. И. Марголина, Д. Б. Шевченко. Пермь, 2010. С. 81–93.

Международные институты защиты прав человека. Система ООН: учеб. пособие / авт.-сост. Т. Л. Барандова; под ред. А. Ю. Сунгурова. Сер. Библиотека Уполномоченного по правам человека в субъекте РФ. Вып. 9. СПб.: Норма, 2010.

- Мониторинг* прав человека: роль государственных и общественных правозащитных организаций в развитии восстановительного правосудия: сб. материалов междунар. конф. 1–2.02.2007, г. Пермь / сост. Т.И. Марголина. Пермь, 2008.
- Нозик Р. Анархия, государство и утопия. М.: ИРИСЭН, 2008.
- Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995.
- Сунгуров А. Деятельность Уполномоченных по правам человека в субъектах РФ: нормативные основы и ежегодные доклады // Институт Уполномоченного по правам человека в России: опыт ветеранов и позиции экспертов. СПб.: Норма, 2011. С. 124–170.
- Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с франц. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999.
- Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / пер. с франц. С. Ч. Офертаса; под общ. ред. В. П. Визгина, Б. М. Скуратова. М.: Праксис, 2002.
- Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году / пер. с франц. В. Ю. Быстрова, Н. В. Сулова, А. В. Шестакова. СПб.: Наука, 2011.
- Barry N. On Classical Liberalism and Libertarianism. L.: Macmillan, 1986.
- Dworkin R. Liberalism // Public and Private Morality / ed. by S. Hampshire. Cambridge, 1978. P. 113–143.
- Epstein R. Simple Rules for a Complex World. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1995.
- Kymlicka W. Liberalism and Communitarianism // Canadian Journal of Philosophy. 1988. Vol. 18. № 2. P. 181–203.
- Kymlicka W. Two Theories of Justice // Inquiry. 1990. Vol. 33. № 1. P. 99–119.
- Liberalism and its Critics* / ed. by M. Sandel. Oxford: Blackwell, 1984.
- Taylor Ch. Cross-Purposes: The Liberal-Communitarian Debate // Liberalism and the Moral Life / ed. by Rosenblum. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1989. P. 159–182.
- Posner R. The Economics of Justice. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1983.
- Rights of Person Deprived of their Liberty: the Role of National Human Rights Structures which are OPCAT Mechanisms and of those which are not / 9–10 April 2008. Workshop debriefing paper. Council of Europe, European Union, University of Padua. Tipografia Eurooffset, 2009.
- Rawls J. Political Liberalism. N. Y.: Columbia University Press, 1993.

Барандова Татьяна Леонидовна

выпускница аспирантской программы факультета политических наук и социологии Европейского университета в Санкт-Петербурге, магистр политологии ЕУСПб и Университета Хельсинки, старший преподаватель кафедры прикладной политологии НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург

электронная почта: tbarandova@yandex.ru